Даже в субботу семейство Казами рано вставало.

Отец был специалистом по планированию мероприятий, поэтому мог выбрать себе выходные, но не имел устойчивого графика.

Он обычно брал выходной, когда Казами сообщала, что вернется домой, но в этот раз ее решение было нежданным. Раз так, отцу пришлось завтракать в семь утра.

Ее семейная обязанность перевесила сонливость, потому Казами присоединилась к ним за завтраком.

Небольшая встроенная кухня как обычно сияла чистотой.

На столе расположились чашки супа и ингредиенты для утренних сэндвичей.

Родители Казами глядели на нее из-за стола.

— Ох, — длинные волосы ее матери всколыхнулись, когда она встала. — Что будешь пить?

— Кофе. Чисато, ты хочешь кофе, верно? — ее отец закончил готовить сэндвич на своей тарелке и глянул на нее сквозь очки. — Я знаю, что ты устала, но мне бы хотелось, чтобы к завтраку ты полностью проснулась.

— Да, конечно. Я буду чай.

Даже сама Казами не была уверена, кому отвечает, когда садилась на свое место.

Ее отец бросил разочарованный взгляд и потянулся над столом.

Там стояло несколько тарелок, забитых салатом, слегка поджаренными яйцами, ветчиной, луком, помидорами и прочими ингредиентами.

Стиль создания сэндвича семейства Казами заключался в том, чтобы взять всё, что тебе хочется, и наложить это на хлеб.

— Пап, ты набрал слишком много.

— С-серьёзно? Ну, может быть. Это просто так весело.

— Ты когда-нибудь повзрослеешь?

Ее мать беспокойно вздохнула, увидев ингредиенты, наваленные на десять сантиметров.

Наблюдая за матерью в голубом платье, готовившей чай, и отцом, сидящим со сложенными руками в сером спортивном свитере с капюшоном, Казами наконец ощутила, что действительно дома.

— Ты тоже одеваешься, мам? Вы вдвоем куда-то собираетесь?

— Да. Я отправляюсь с ним на съемочную площадку.

От этого заявления сонливость Казами как ветром сдуло.

Девушка ощутила, как ее плечи подпрыгнули. Она запоздало обратила внимание на холод утреннего воздуха.

— Ты снова поёшь?

— Я просто иду вместе с ним.

В голосе ее матери прозвучали предостерегающие нотки, но затем заговорил отец.

— Но у нас планы на совместный рождественский концерт к концу года. Основными выступающими будут, само собой, те, кого выберут спонсоры, но все равно останется место для приглашенных исполнителей. Как же мне быть?

— Понятно.

Казами кивнула и повернулась к матери, готовившей чай.

В ее поведении не было ничего необычно, а раз так, Казами не могла разгадать, о чем она думает.

…Может ей кажется, что это его обычная глупость?

Однако очарованный взгляд на лице ее отца не оставил у Казами почти никаких сомнений в его серьёзности. Он как обычно бестолково взялся за свой сэндвич, начав сверху кучи, отчего ее уверенность только возросла.

Затем прибыла ее чашка вместе с двумя кусками хлеба.

— Я вижу, вы вдвоем усердно трудитесь, — отметила Казами, размазывая маргарин по ломтику.

— А как ты, Чисато? Хорошо ладишь с Изумо-куном?

Ей бы хотелось, чтобы они об этом не вспоминали.

— Ну… — сказала она, задумавшись.

— Не забудь его как-нибудь пригласить. Не прогоняй его у порога.

— Я вовсе его не прогоняю…

— Но ты пинаешь его ногами, и он уходит, разве нет? — сказала мама, присев за стол.

Ее губы улыбались, но глаза — нет.

— Я приглашу его на следующей неделе, — покорно пообещала Казами.

— Отлично!

Ее родители улыбнулись и одобрительно подняли большой палец.

…Почему этот балбес такой популярный?

Казами внутренне вздохнула, но ее мать уже напевала себе под нос.

— Я сделаю к следующей неделе короккэ[]Короккэ (яп. □□□□) — блюдо японской кухни. Представляет собой котлету из толчёного картофеля с добавлением мяса, морепродуктов или овощей, обваленную в муке, яйцах, хлебных крошках и обжаренную в масле. . Я уверена, что твой папа и Изумо-кун будут есть и пить как сумасшедшие в еще одном соревновании, так что я наделаю достаточно. Я сделаю беленькие, с карри, кремовые, и редкие, очень острые с васаби в качестве сюрприза.

— Звучит шикарно. Не забудь добавить побольше рубленой капусты. Мы должны раз и навсегда решить, кто тут настоящий мужик. Я ему покажу! Пускай это и бессмысленно!

— Кья! Какой ты классный! Пускай это и бесполезно.

— Э-э, мама, папа? Почему вы обсуждаете будущую неделю, если еще эта не закончилась?

— Хм? Ты что-то сказала, Чисато? Не могла бы повторить?

— Нет, забудь. …И мама, почему у тебя в последнее время такой страшный взгляд в глазах?

— Не обращай внимания. На следующей неделе тебе нужно болеть за Изумо-куна. Мы бессмысленно делимся на команду родителей и команду дочки и зятя, так что…

— Извини, пап, но над каким проектом ты сейчас работаешь?

Он глянул на секунду в потолок.

— Должно быть, это из-за моего сценария, который использовали в той подозрительной образовательной программе «Вы Можете Это Сделать?» на прошлой неделе. В общем, я работаю над проектом, который заменит аниме «Мистер Гуевара», снятое с эфира из-за цензуры.

— Я проигнорирую половину твоих слов, но что это за замещающий проект?

— Сиквел к Аретерману. Ну знаешь, культовый сериал эпохи Сёва. Мы делаем Аретерман Шток, который продолжает сюжет Литого Аретермана. В первом эпизоде, Шток отказывается пожимать монстру руку, залезает ему на спину и лупит его последующие три минуты. Он не останавливается, даже когда монстр пытается его стряхнуть. Это очень захватывающе.

— Дай угадаю. Во второй серии, монстр заходит ему за спину, заламывает руки и заставляет терпеть три минуты?

— Как ты узнала? Вот что значит дочь своего отца. Едва Шток осознает, как развернуть положение в свою пользу, он постепенно учится, как правильно вести борьбу. Он обучается этому на Тренировочной Базе Аретор, известной как Мужская Дырка.

— У меня такое чувство, что это снимут с эфира по другой причине.

— Хм.

Ее отец сложил руки на груди в раздумьях.

Казами увидела, как ее мама наливает ему чай, но не сомневалась, что в его чашке изначально было кофе. Ее бросило в пот, но затем он отхлебнул.

— Вкуснотища. Твой чай прекрасен как всегда.

Она знала, что ей никогда не сравниться со своими родителями. А еще девушка задалась вопросом, станет ли такой же в будущем.

Но Казами проигнорировала эту мысль, и ее отец задал вопрос:

— О чем ты так задумалась? Если у тебя какие-то сложности в школе, просто расскажи мне. Разве большая разница, если я все равно никак не смогу помочь?

Неуверенная, как на это ответить, она сменила тему.

— Как насчет того, чтобы вы двое сейчас успокоились? У нас время завтрака.

Девушка вздохнула и принялась складывать себе сэндвич. Она начала со слегка прожаренной яичницы, салата и майонеза. Затем…

— Давай добавим еще джем, соленую комбу, батат и… Ай! Чисато! Семейное насилие это плохо!

— Мам, сделай с ним что-нибудь.

— Плохой папа.

И это все? — Подумала она, но ее отец действительно взялся за голову и задрожал.

Казами осознала, что это еще один метод кого-то обругать.

— Чисато, просто смирись. Твое возвращение заставило папу немного съехать с катушек.

— С последним я, пожалуй, соглашусь.

Неожиданно, Казами осознала, как может воспользоваться своим отцом.

— Слушай, пап. Какие-то из твоих прошлых проектов имели дело с японской мифологией?

Ее отец поднял голову.

— Хм? О. Да, было дело.

— Я исследовала кое-что с Каку и парой младшеклассников, так что ты не знаешь ничего

интересного, связанного с Ямата-но Ороти?

— Хм. Ямата-но Ороти, говоришь?.. С этим связано немало. У тебя есть какие-то ключевые слова для поиска?

— Ну…

Поднеся руку к подбородку и покачав головой, девушка осознала, что ее мать в задумчивости приняла такую же позу. Она, правда, не обратила внимания на Казами, отчего та горько улыбнулась.

…Что будет хорошим ключевым словом? О 2-й Гире знает только UCAT, так что они не будут знать этот термин. Тогда что? Концепты 2-го Гира имеют дело с…

— Имена. Знаешь что-то интересное, связанное с именами?

— Имена? — спросил ее отец, снова поднимая взгляд вверх.

Улыбка на его лице говорила, что она выбрала правильно.

— Чисато. Расскажи мне историю победы над Ямата-но Ороти.

— Ну, — начала Казами, — После того как Сусаноо сослали на землю, он полюбил Кусинаду-химэ, которую собирались принести в жертву Ямате-но Ороти. Она пообещала выйти за него замуж, и Сусаноо напоил Ороти и отсек все его головы. Этого хватит?

— Ты сократила ее до безумия, но в общих чертах так и было.

— Я в последнее время ее изучала. О, и меч, срубивший головы Ороти, называется Тоцука. В процессе меч затупился, и когда Сусаноо решил проверить, что произошло, он обнаружил внутри Ороти еще один меч. То был хороший меч, и он испытал его, без труда перерубив окружающую траву. Это был Кусанаги, или Меч Скашивающий Траву.

И…

— Сусаноо женился на Кусинаде и обосновался в провинции Изумо. Когда его потомок преподнес Кусанаги Аматерасу, он вернул свой божественный статус. Вот и вся история, верно?

Ее отец кивнул и пробормотал слово «имена».

— Я постараюсь объяснить это косвенным путем, Чисато. В древней Японии, люди изменяли свои имена при достижении совершеннолетия. Ты изучала это на уроках стародавней литературы, правда?

Казами кивнула, но на деле совсем этого не помнила.

— Хорошо, хорошо, — сказал ее отец, не осознавая правды.

Горькая улыбка на лице ее матери недвусмысленно заявляла, что она все поняла.

Казами в очередной раз осознала, что никогда с ними не сравнится.

— Ладно, Чисато. Как думаешь, почему люди меняли имена? — спросил отец.

— Э?

Она не знала, но всерьёз над этим задумалась.

— Потому что они повзрослели?

— К сожалению, нет. Подумай. В японской мифологии, Ямато Такэру получил это имя, убив своего врага, Кумасо Такэру. Смена имени не подразумевает взросление.

Тогда что же это?

В своих раздумьях, она заметила, как ее мать немного покачивается туда-сюда. По какой-то причине, ее правая рука то поднималась, то опускалась, но Казами не обращала на нее внимания.

Девушка продолжала размышлять, и осознала, что ответ на удивление близок.

Когда она впервые встретила Изумо Каку, он говорил на языке 10-го Гира. Его язык и имя разнились между собой. И сейчас он говорил по-японски.

— Потому что менялся их статус?

— Верно. В древние времена имя человека указывало на его профессию или положение в обществе. Когда это менялось, менялось и их имя. Возвращаясь к Ямато Такэру, имя «Такэру» означает «герой». Героем Кумасо был Кумасо Такэру, и парень, сразивший его, получил статус героя Ямато.

Мама Казами незаметно щелкнула пальцами и стала в позу.

Ее отец не заметил действия своей жены и поднял три пальца правой руки.

— Теперь, учтя все это, вернемся к основной проблеме. Есть три загадки, связанные с историей Сусаноо и Яматы.

Он опустил безымянный палец.

— Первая загадка — почему имя Ямата-но Ороти не ссылается на его профессию или статус.

— …Э?

— Подумай об этом. На что ссылается Ямата-но Ороти?

Оно означает «Разделенный на Восемь Частей Великий Змей», а значит, ссылается на его форму.

— А, — сказала Казами, когда до нее дошло, — Ты спрашиваешь, почему у Яматы нет имени?

— Именно. На Ямату-но Ороти была возложена важная роль — произвести на свет меч Кусанаги, но он не получил никакой профессии или статуса. Это идет вразрез укоренившимся правилам. Так почему же этот гигантский восьмиглавый дракон японской мифологии не получил имени?

Он опустил свой средний палец.

— Следующая загадка связана с Сусаноо.

Об этой Казами знала, потому взяла на себя инициативу, подняв руку.

— Это о том, почему он сохранил имя Сусаноо после того, как его изгнали с небес, верно?

— Да. Он спустился в мир людей, но сохранил свое имя. Почему же? Мы имеем великого змея без имени, бога грома, чье имя не изменилось, и затем еще одну загадку.

— Последняя связана с Кусанаги, да? — вклинилась ее мать.

Казами и ее отец повернулись к ней. Она съежилась и сказала «извините», высунув язык.

Но девушка все равно не понимала.

— А что не так с Кусанаги?

— О? — Ее отец повернулся к ней с физиономией, близкой к улыбке. — Как насчет того, чтобы обсудить это с твоими друзьями? Эту тему я пытался поместить в образовательную программу, но никто не хотел ее брать. Надеюсь, она станет для тебя полезной, Чисато.

Насчет этого не стоило переживать.

…Этого более чем достаточно.

Она не только получила некоторые подсказки, но так же осознала кое-какие вещи сама. Ей показалось, что для спортсменки это весьма неплохо. Вдобавок ко всему, у нее остались несколько загадок, требующих решения.

— Я рада, что выбралась домой, — сказала она.

Ее родители воодушевленно подняли большой палец.

Ей никогда с ними не сравниться.

●

Было еще утро, но Касима уже находился в столовой UCAT.

Ее заполнили лишь работники ночной смены, а значит, там было спокойно и тихо.

— Зачем ты притащил меня сюда, Ацута? Я не успел даже зайти в конструкторское бюро.

— В это время ты обычно получаешь от своих родителей пекинскую капусту. А значит, попытаешься сбагрить лишние маринованные овощи. Давай их сюда.

Ацута, одетый в боевую униформу, протянул вперед палочки и миску, забитую белым рисом до краев.

— Ты будешь есть одни только маринованные овощи и рис?

— Не стоит меня недооценивать, оружейный бог. Старая пословица учит есть овощи с рисом и миской супа. Это то же самое.

Он вытащил что-то из кармана и поставил на стол.

Это оказалась банка кофе UCAT бренда под названием «Утреннее Кофе Готз». Чтобы приумножить утренний образ, на банке напечатали контрастное красно-белое изображение здоровенного дворецкого, одетого в один лишь передник.

— Это и есть твой «суп»? Полагаю, цвет напоминает мисо, но если взять на завтрак это, пекинскую капусту и рис — получится дикая смесь японского и западного, не думаешь?

— Какие-то проблемы? Кхе. Ты стал вконец эгоцентричным.

— Ты вообще знаешь, что «эгоцентричность» означает? В общем, ты хочешь, чтобы я обеспечил тебя овощами? — С раздраженным вздохом, Касима вытащил домашнее бенто Нацу из сумки, — Нацу на деле это предугадала. Гляди, она даже положила маринованный вишневый цвет, который ты любишь.

— Ох, где она замариновала цветочные лепестки? Они немного горьковаты, так что хорошо идут с выпивкой. …В отличие от тебя, твоя жена делает все настолько хорошо, что это чуть ли не бесит.

— Мне сложно сказать, ты жалуешься на нее или хвалишь.

— Придурок. Мужик не может так просто похвалить женщину.

— Хочешь сказать, что должен похвалить ее сложно?

— Э? Ох, ну, э… чего? Наверное, э… придурок!

— Я не уверен, как ты к этому пришел, но вышло неплохое умозаключение. Так или иначе, я сообщу Нацу-сан, что ты сказал.

— Ага, вперед. Скажи ей: «Пожалуйста, сделай еще, чтоб тебя!»

— Я порой совсем не понимаю, что ты пытаешься сказать, — промолвил Касима, с его типичным вздохом.

Он неожиданно осознал, что Ацута открыл упаковку в руке и начал есть.

Касима не одобрял использования Искусства Ходьбы на друзьях, но использование его, должно быть, стало второй натурой Бога Мечей Ацуты.

— Ну как, вкусно?

Касима принял его молчание как знак согласия.

Не успел он глазом моргнуть, как Ацута наполнил по новой свою миску с рисом, а маринованные овощи почти исчезли.

Затем Ацута проговорил, словно на своей волне.

— Так что ты собираешься делать с Путем Левиафана?

— Я не уверен. …Как насчет того, чтобы поменяться со мной?

— Да ладно, — Ацута перестал шевелить палочками. — У тебя совсем нет мотивации, да?

— Честно говоря, да. Вчерашняя сумятица напомнила мне, что у меня совсем нет причины заботиться о 2-м Гире.

— Перестань относиться к этому так серьёзно и придумай себе причину, дурень.

— Не говори так. У меня действительно нет причины. Когда я увидел повреждения на Сусаоо, слова моего деда утратили смысл, и теперь у меня есть семья.

Касима вспомнил вчерашние слова Саямы.

…Он хочет должным образом узреть 2-й Гир.

— Они все так серьёзны, и поэтому мне кажется, что они заслуживают кого-то лучше, чем я.

— Тогда уходи.

Ацута перевел дух и выплеснул больше слов:

— Просто увольняйся из UCAT.

●

Касима некоторое время раздумывал над предложением Ацуты.

— А что, неплохая идея.

— Стой.

— Не смотри на меня так, Ацута. Сказать по правде, с моим-то безволием, в моем-то положении, и с моими-то мыслями, убежать, просто все бросив, будет проще всего.

Если он уйдет, ему больше не придется волноваться. У него не останется причин за все это цепляться.

Касима неожиданно подумал о том, как жили его родители. Вместо того, чтобы выбрать путь кузнеца мечей, они выбрали фермерство. Единственными клинками, которые они когда-либо держали, были кухонные ножи и серпы.

Получая от них овощи, Нацу испытывала неловкость, но это их радовало.

— У некоторых людей больше одного пути. Вот как всё устроено.

— И ты один из таких людей, Касима?

— Не знаю, но после того случая восемь лет назад я оставил путь кузнеца мечей. Мои руки никогда больше не держали зубило, и я лишь занимался корректировкой законченных продуктов, используя клавиатуру. — Касима слегка постучал пальцами по столу. — С тех пор, я не сделал ни единого Облаченного Меча. Будь у меня возможность уйти…

— Ты говоришь, что эта возможность пришла? Говоришь, что убежишь, как только получил важную роль посредника Пути Левиафана?

— Да, это я и говорю, — он вздохнул. — Я не могу ничего раскрыть. Я не могу даже рассказать своему ребенку о навыках создания оружия, унаследованных от предков. Если я собираюсь уйти, время как раз подходящее. Я могу присоединиться к Лоу-Гиру и жить в счастливой семье. …Я всегда сомневался, житель ли я Лоу-Гира, но моему ребенку об этом думать не придется.

— Тогда что ты собираешься делать с правдой 2-го Гира, о которой упоминал ранее? Только твоя семья о ней и знает.

— Я передам ее Директору Цукуёми, и оставлю решение за ней.

Он глянул вперед и увидел, как Ацута немного приподнялся со стула.

— Ты это серьёзно?

— Я не уверен. Я просто пытался поддержать беседу. Но это непросто, — его плечи поникли. — Я совсем не могу решить, что мне делать.

Ацута цокнул языком и опустился на стул.

— Не нужно никаких причин, знаешь? Я люблю колотить людей просто так.

— Ты надеешься найти того, кто согласится с тем, как работает твой мозг?

Касима горько улыбнулся, и Ацута прищурил глаза.

— О? Думаешь, у меня нет причин заморачиваться Путем Левиафана, да?

— Н-не может быть… У тебя есть причина?

— Не веди себя так удивленно, придурок. Да, есть. Это связано с девушкой, в которую я влюбился.

— Та одноклассница со школьных времен? Какая странная связь. Ну, я не буду влезать, но звучит как персональная обида.

— И это называется «не влезать»?

С раздраженным взглядом Ацута скользнул по пакету с маринованными овощами.

— Что? Больше не хочешь?

— Придурок. Я не могу есть маринованные овощи от женщины, охмурившей оружейного бога.

— Ха-ха-ха. Ты просто завидуешь, что у меня такая замечательная жена.

— Ты вообще слушал?.. — Ацута кашлянул и сделал глоток кофе. — Собирай свои манатки и вали, неудачник. Жалкое зрелище. До ужаса жалкое зрелище. Касима из рода Такэмикадзути, сильнейшего оружейного бога и кузнеца мечей 2-го Гира, бросает все ради своей женушки и ребенка? Удачи в семейной жизни, чтоб ей пропасть.

— Поразительно, что ты умудрился так много об этом сказать.

Ацута цокнул языком, откинулся назад и глянул в потолок.

Касима на него не обижался. Он считал его хорошим другом, на которого можно положиться.

— Я еще не решил, собираюсь ли увольняться. У меня просто нет запала заниматься Путем Левиафана. UCAT хорошо платит, и если останусь, хотя бы смогу погасить мой кредит. …Я просто в сомнениях, потому что совсем не получаю от этого удовольствия.

— Хорошо, хорошо.

Ацута выпрямился и подобрал свою миску. Он схватил соль из приправ на столе и насыпал немного в рис.

— Эй, Касима.

— Чего тебе, Ацута? И почему ты насыпаешь на это столько соли?

— Придурок, мне нужна соль, потому что у меня низкое давление. Не знал?

— Первый раз слышу. Если сравнить с тобой, у всего остального человечества, должно быть, необычайно низкое давление.

— Раз ты так говоришь, я скажу кое-что другое. Я спрошу это вместо прощального подарка: что это за правда 2-го Гира и вопрос Ямaты?

— Я сначала скажу об этом Директору Цукуёми.

— Это так важно?

— Я толком не знаю, — Касима склонил голову. — Мои предки передавали это из поколения в поколение, потому мы как-то позабыли её важность. И вот поэтому, судя по всему, Ямата перестал доверять ответу моих предков, когда 2-й Гир был разрушен.

— Тогда, разве от этого есть прок?

— Это по-прежнему полезно в качестве инструмента на переговорах. Лоу-Гир хочет это знать, — Касима сложил руки на груди и сказал кое-что, как ему казалось, для него не свойственное. — Ооширо Хиромаса нашел это слово в обмен на свою жизнь. Мой дед на него гневался, и это слово заставило его страдать и пообещать полное подчинение Лоу-Гиру. …В этом должна быть ценность, — Касима горько улыбнулся и с таким же лицом продолжил. — Но прошло уже 60 лет. На нас слишком повлиял Лоу-Гир.

Когда он закончил говорить, Ацута остановил свои палочки и бросил на него раздраженный взгляд.

Касима задумался на миг почему, но затем осознал ответ.

…Ох. Я странно улыбаюсь, не так ли?

Его брови обессиленно приподнялись, а голова опустилась, но улыбка оставалась.

Гадая, как такую улыбку назвать, голос Ацуты проткнул его раздумья.

— Что ж, если желание уйти не пропадет, зайди в третье производственное помещение конструкторского бюро.

— Третье…

Касима неожиданно помрачнел.

Третье производственное помещение было запрещенной зоной в отделе разработок.

Оно оставалось закрытом с той ночи восемь лет назад.

— Там, где я запечатал…

— Не можешь произнести? Но ты не забыл, правда? Там кое-что лежит, что нельзя просто выбросить, как крупногабаритный мусор. Там находится сила, которую ты запечатал.

Касима неожиданно вспомнил.

Восемь лет назад он спас Нацу из-под завала, и донес в машину скорой помощи.

После этого, продолжая мокнуть под дождем, он поднял нечто из грязи, даже не стирая кровь со своих пальцев.

Это был меч, расколотый на две части.

…Я запечатал его глубоко в корпорации, несущей имя Изумо.

— Дошло, наконец, Касима? Ты запечатал то, что должно принадлежать мне: Облаченный Меч

Фуцуно. Даже запечатанный, он испускает столько остаточного страха, что не подпускает к себе новичков. — Он перевел дух. — Если ты уволишься, избавься от него. Чисто из вежливости.

●

Утро подходило к концу, и Саяма с остальными шагали по городу в своей школьной форме.

Они были на пути в резиденцию Тамия — место, где парень вырос.

Саяма, Ооки, и Синдзё Сецу шли во главе, а прочие волонтеры из их класса следовали за ними.

Они все несли деревянные доски, краску, металлические трубки, или другие материалы.

Синдзё обернулся к шеренге, следовавшей за ними, и обратился к Саяме.

— Мы пропускаем четвертый урок, чтобы построить фестивальный прилавок в твоем поместье. Это несколько удивительно.

— Ооки-сенсей, как всегда, постаралась и забыла заказать материалы. Позже у меня дела в Татикаве, но до этого я могу помочь. Нам нужно построить этот прилавок как можно скорее.

Днем, он должен провести предварительные переговоры с 2-м Гиром в Концептуальном Пространстве внутри Мемориального Парка Сёва.

…Интересно, покажется ли Касима.

Пока Саяма размышлял, Ооки его обогнала.

Она оделась в блузку и размахивала руками, напевая веселенький мотивчик.

— Обед в доме Саямы-куна наверняка будет изумительным!

Синдзё ткнул Саяму в руку.

— Саяма-кун, ты бы не мог как-то воздержать её от того, чтобы произносить мысли вслух?

— Нет. Если бы это было возможно, мне бы удалось еще в прошлом году. Результаты были

неудовлетворительны.

— Это, наверное, тяжело.

Ооки неожиданно обернулась, с улыбкой на лице.

— Я бы хотела прийти со всем классом, но, видать, не получится. Многие заняты подготовкой ларьков для их клубов, или на подработках. Харакава-кун сразу же умчался на своем мотоцикле.

Саяма бросил взгляд за спину, и Синдзё последовал за ним, держа в руках папку с бумагой для письма. За ними следовало около тридцати учеников.

— Но около 70% класса сочли это своим основным приоритетом.

Саяма увидел, как Синдзё восхищенно повернулся к Ооки. Та, со своей стороны, выглядела обеспокоено.

— Прости меня, Саяма-кун. Я вообще-то хотела укрепить узы нашего класса пикником, кемпингом, или тренировочным лагерем в стиле морской пехоты.

— Я любезно проигнорирую последнее, но Вам не нужно огорчаться, что вместо этого вам досталось поместье Тамия.

— Я знаю. И твой дом славится хитростями для создания хорошего фестивального прилавка.

Синдзё на это удивленно склонил голову.

— Мне казалось, клан Тамия держит охранную фирму? Они занимаются еще и строительством?

— Нет, просто у них как-то нашлось немало специалистов в этой сфере. Мистер Ким из Китая присоединился к компании около четырех лет назад, и он очень хорош в постройке крепких переносных прилавков.

— Правда?

— Да. Единственная проблема в том, что он любит добавлять пуленепробиваемые щиты, GPS, и спасательные устройства, на случай непредвиденных обстоятельств. …Он воспринимает это всерьёз, как думаешь? Ха-ха-ха.

— М-мне кажется, что он строит нечто другое, вместо фестивального прилавка.

— Но он выиграл награду за лучший прилавок в прошлом году! — добавила Ооки.

— Именно. Тонкость брони окупилась возможностью высокоскоростного планирования. И поместив внутрь электронное управление, командир и водитель могут самостоятельно разобраться с огромным количеством людей. Он весьма могущественен.

— П-прости, но о чем мы тут говорим?

— О креповом прилавке. Ты никогда их не видел? Они довольно распространены.

— О? Так значит летающие прилавки это обычное дело?

— Не переживай об этом.

Саяма постучал Синдзё по плечу.

Тот глянул на него со слегка недовольным взглядом.

Но глаза Саямы сосредоточились на папке, которую Синдзё держал в руках.

Он, должно быть, это заметил, потому что сжал ее сильнее, словно пытаясь защитить.

— Э-эм. Я…ну… взял это не для того, чтобы отлынивать от помощи.

— Ты просто не хочешь ее оставлять, да?

Отчасти это было так, но Синдзё опустил голову и покраснел.

— Я закончил сюжет, потому мне хотелось, чтобы ты на это взглянул. …Это вызовет трудности?

— Почему это вызовет трудности?

— Ну… — сказал Синдзё, оглянувшись по сторонам.

Ооки снова повернулась вперед, напевая. Остальные ученики разговаривали между собой. Никто не обращал на них внимания.

Синдзё торопливо придвинулся поближе и прошептал так, чтобы услышал только Саяма:

— Мне кажется, ты сможешь понять, если прочтешь.

— Понять что?

Синдзё на миг остановился.

Его голова поникла, и он не смотрел на Саяму.

И раз так, Саяма задал еще один вопрос:

— Ты хочешь сказать, что я пойму что-то, если я прочту этот сюжет, верно?

— Д-да.

Синдзё поднял голову, показав слегка покрасневшее лицо.

И затем…

— …

Плечи Синдзё содрогнулись, и он сложил руки у живота.

●

Едва Синдзё как будто сжался, Саяма обернул руки ему за спину.

— Что-то не так?

— Н-нет. Я в порядке.

Синдзё поднял голову, отображая слабую улыбку.

Убедившись, что никто за ними не наблюдает, он проговорил.

— Э-это иногда случается. Примерно раз в месяц, у меня появляется чувство, будто мой живот сползает вниз. …Недавно все было нормально, но вот сейчас опять пришло.

— Хм. Это щекотливая тема, потому я постараюсь спросить тактично: у тебя что, месячные?

— Значение слова «тактично» поменялось с тех пор, как я в последний раз его проверял? — вздохнул Синдзё. — Не говоря уже о том, что у меня нет месячных.

Если судить по выражению лица при этих словах, Синдзё вроде бы полегчало.

Но когда он закончил говорить, его брови опустились, и Саяма был абсолютно уверен, что заметил разочарованный взгляд.

Так или иначе, Саяма кивнул.

— Когда мы прибудем в поместье Тамия, я попрошу Кодзи приготовить тебе горячий напиток. А еще мне кажется, у Рёко есть чудесное обезболивающее. Ты можешь немного принять.

— Лекарства мне не особо помогают.

— Не переживай. Секретная оригинальная формула клана Тамия не использует никаких химических добавок. Согласно Рёко, половина препарата состоит из «сострадания».

— А вторая половина состоит из «абсолютной серьёзности»? Ты уверен, что оно нормальное?

— Конечно нормальное. Я однажды его пробовал. Следующее, что я помню — прошло три дня и меня окружало множество людей.

— Это совсем не нормально!

Синдзё кивнул, опустил плечи, и глянул вперед.

Саяма также повернул взгляд прямо.

Перед ними открылась дорога и большой плоский силуэт, окруженный забором.

Этот особняк с черепичной крышей и большим двором и был поместьем Тамия. Через высокий забор виднелись деревья, большие камни и пруд, а в центре находилось обширное здание.

Синдзё снова вздохнул, на этот раз со смешанным чувством облегчения и любопытства.

Он осознал, что все остановились, и Ооки встала перед воротами.

— Э… Оряяяяя!

Она толкнула ворота, но они не открылись.

Саяма и Синдзё наблюдали, любопытствуя, что же она собирается делать. Ооки задумчиво наклонила голову, а затем хлопнула в ладоши с пониманием. Она постучала в ворота, воскликнув:

— Я требую аудиенции с хозяином дома!

— Ооки-сенсей, в какой эпохе Вы, по-вашему, живете?

— Э? Но когда они вчера сказали такое по телевизору, ворота открылись сами.

— То был телесериал по «Самураю Цудзигири», который начали транслировать вчера в восемь вечера. Разве вы не видите рядом с воротами интерком?

— О, точно, — Ооки поднесла палец к интеркому. — Динь-дон, Динь-дон, Динь-дон, дзинь, дзинь, дзинь… Шестнадцать подряд! Ай-ай-ай-ай! Что за ученик бьет своего учителя по голове шестнадцать раз подряд, Саяма-кун?!

— Замолчите. Во имя здравомыслия всего человечества, больше никогда не прикасайтесь к этому интеркому. Понятно?

Как только он договорил, Саяма ощутил справа чье-то присутствие.

Он почувствовал движение воздуха в сторону его не ведомой руки.

— Я смотрю, ты совсем не изменился, Микото.

Саяма услышал хриплый голос, и неожиданно его взгляд подняло в небо.

Его швырнули в воздух.

http://tl.rulate.ru/book/95927/3274846